

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

М.В. МАСЛОВСКИЙ

АНАЛИЗ СОВЕТСКОЙ ВЕРСИИ МОДЕРНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ ЙОХАНА АРНАСОНА

В статье представлено формирование социологической концепции Й. Арнасона, выделены ее теоретические источники; раскрыты особенности его подхода к исследованию обществ советского типа, охарактеризованы основные положения анализа советской модели модерна.

Ключевые слова: историческая социология, советское общество, модерн, цивилизация, Й. Арнасон.

Один из ведущих теоретиков современной исторической социологии Йохан Арнасон родился в Исландии в 1940 г. Он изучал философию, историю и социологию в университетах Праги и Франкфурта. Характерно, что еще в 1960-е гг. он провел несколько лет в социалистической Чехословакии, не считаясь с существованием «железного занавеса». По-видимому, опыт жизни в обществе реального социализма во многом определил его последующий интерес к советской модели модерна. В 1972–1975 гг. Арнасон преподавал социологию в университетах Гейдельберга и Билефельда. Затем он переселился в Австралию, где работал в университете Мельбурна (La Trobe University). В 1987–2002 гг. Арнасон был главным редактором журнала «Thesis Eleven», который под его руководством вошел в число ведущих мировых периодических изданий по проблемам критической теории и исторической социологии. В 2006 г. Арнасон выступил одним из основателей (совместно с В. Шпоном и В. Кнеблем) тематической группы «Историческая и сравнительная социология» Международной социологической ассоциации. Несколько лет назад он вновь

Масловский Михаил Валентинович — доктор социологических наук, профессор кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. **Адрес:** 603000, Нижний Новгород, Университетский пер., д. 7. **Телефон:** (831) 4338349. **Электронная почта:** maslovski@mail.ru

вернулся в Европу. В настоящее время является профессором Карлова университета в Праге.

Ранние работы Арнасона («От Маркузе к Марксу. Введение в диалектическую антропологию» (1971) и «Между природой и обществом. Исследования критической теории субъекта» (1976) посвящены неомарксистской критической теории. Опираясь на антропологические основания марксизма, он критиковал ряд теоретических положений представителей Франкфуртской школы, прежде всего Г. Маркузе. С точки зрения Арнасона, сторонники Франкфуртской школы сосредоточили внимание на развитии инструментальной рациональности, не учитывая в должной мере социокультурную динамику капитализма. Чтобы преодолеть односторонность такого подхода, Арнасон обращается к постструктуралистскому направлению во французской социальной мысли, в особенности к идеям К. Кастириадиса и А. Турена.

В 1980-е гг. теоретические интересы Арнасона смещаются в направлении исторической макросоциологии. В этот период он разрабатывает собственную версию сравнительного анализа цивилизаций. На формирование его концепции, несомненно, повлияла веберовская традиция в исторической социологии. Вместе с тем отношение Арнасона к идеям Вебера оставалось довольно неоднозначным. Арнасон принимал веберовский подход в социологии культуры, но не предложенную Вебером формулировку теории рационализации. Как подчеркивал Арнасон, даже если протестантский мирской аскетизм в наибольшей степени благоприятствовал динамизму социально-экономических процессов, это не свидетельствовало о превосходстве западного типа рационализма. Собственная теоретическая позиция Арнасона нередко характеризовалась как «поствеберовская».

Среди ведущих представителей исторической социологии второй половины XX в. наиболее близок Арнасону Ш. Эйзенштадт. Как полагает Арнасон, существенное значение для социологической теории имел вывод Эйзенштадта о том, что модерн представляет собой особую цивилизацию наравне с традиционными цивилизациями, сформированными мировыми религиями. Развитием данного тезиса стала идея множественности форм модерна. Характерно, что Эйзенштадт и Арнасон пришли к этой идее, опираясь на различные теоретические источники. Если Эйзенштадт продвигался от функционализма к сравнительному анализу цивилизаций в веберовском духе, то Арнасон отталкивался от теоретического наследия западного марксизма, хотя и воспринял некоторые элементы веберовской традиции [8, р. 15–16].

Арнасон внес значительный вклад в разработку теоретических проблем цивилизационного анализа. При этом, как указывает немецкий социолог В. Кнебель, подход Арнасона отличается стремление «вернуть политическую власть» в цивилизационный анализ [7, р. 94]. С

точки зрения Кнебля, Ш. Эйзенштадт в своем анализе цивилизаций «осевого времени» достаточно подробно рассмотрел деятельность политических и религиозных элит, но при обращении к цивилизациям модерна он практически не акцентировал внимание на социальных группах, выступавших носителями определенного культурного проекта. Арнасон же в большей степени ориентируется на анализ роли элит в воспроизводстве цивилизационных моделей. Раскрывая связь цивилизаций с имперскими политическими структурами, концепция Арнасона позволяет лучше объяснить и преемственность в развитии цивилизаций, и процессы исторических изменений [7, р. 93–95].

В 1993 г. вышла книга Арнасона «Несбывшееся будущее. Происхождение и судьбы советской модели» [5]. На сегодняшний день данная работа остается примером наиболее глубокого исследования обществ советского типа с позиций социологической теории. Разумеется, в работе, вышедшей через два года после распада СССР, не могло быть всесторонне проанализировано крушение этой модели, но были намечены лишь общие контуры такого анализа. Впоследствии Арнасон неоднократно возвращался к проблематике коммунистического модерна. В частности, он рассмотрел распространение советской модели как форму глобализации [6], а также осуществил сравнительный анализ становления советской и китайской версий коммунистического модерна [4]. Статья «Коммунизм и модерн», публикуемая в этом номере, во многом подводит итоги размышлениям социолога над данным феноменом. Эта статья впервые была опубликована в 2000 г. в номере журнала «Дедалус», посвященном проблеме множественности форм модерна [3]; из этого номера на русский язык уже переводилась статья шведского социолога Б. Виттрока [1].

Арнасон в исследовании советской модели модерна выделяет три основных аспекта: роль социального движения, имперскую традицию и цивилизационные характеристики самой модели [6, р. 38]. Прежде всего Арнасон отмечает тот факт, что ключевую роль в формировании большевизма играла связь с рабочим движением. Важнейшим нововведением большевиков стало «создание партии-государства на обломках социального движения» [6, р. 41]. В то же время еще до консолидации этого режима началось формирование международного движения нового типа. Первоначально усилия по созданию коммунистического движения были логическим следствием веры в неизбежность мировой революции. В дальнейшем коммунистическое движение становится инструментом глобальной стратегии советского государства.

В работах Арнасона рассматривается роль имперской традиции в развитии советского государства. Как указывает социолог, большевистское правительство унаследовало не только геополитическое положение и внутренние структурные проблемы российской империи, но

и традицию осуществляемой сверху социальной трансформации. Арнасон разделяет точку зрения тех исследователей советского общества, кто рассматривал начавшуюся в конце 1920-х гг. сталинскую «революцию сверху» как решающий момент в формировании советской модели. При этом он остается привержен модифицированному варианту теории тоталитаризма, хотя и признает, что следует говорить скорее о тоталитарном проекте, а не о тоталитарной системе [5, р. 91].

Особое внимание Арнасон уделяет цивилизационным аспектам советской версии модерна. Советская система изначально определяла себя как альтернативу западному модерну в экономической, политической и культурной сферах. Капиталистическая экономика отвергалась в принципе и заменялась плановой экономикой, хотя коммунистическим режимам пришлось смириться с сохранением, по крайней мере, некоторых элементов рыночного обмена. Подобным же образом отвергалась западная модель демократии, на смену которой должна была прийти социалистическая или народная демократия. Наконец, сфера культуры также характеризовалась соперничеством с западной моделью. Коммунистическая идеология претендовала на роль подлинно научной доктрины, преодолевшей ограниченность буржуазных идей. В целом претензии на создание новой цивилизации, превосходящей западный модерн, играли ключевую роль в советском «идеологическом арсенале» [6, р. 45].

Логическим продолжением анализа советской модели модерна в работах Арнасона стала идея «чередующихся типов модерна» (*alternating modernities*). На примере Чехословакии Арнасон рассмотрел переход от либерального модерна к коммунистической версии «организованного модерна», попытку реформирования этой модели, прерванную внешним воздействием, и, наконец, распад коммунистической версии модерна. Как указывает Арнасон, синтез концепций множественности модерна и «чередующихся типов модерна» еще только предстоит осуществить. По мнению социолога, такой синтез откроет новые перспективы теоретического анализа и исторических исследований [2, р. 436].

По крайней мере с середины 1990-х гг. советская модель модерна уже не находилась в центре внимания Арнасона, обратившегося к изучению особенностей японской версии общества модерна, результатом чего стали работы «Социальная теория и японский опыт. Дуальная цивилизация» (1997), «Периферийный центр. Очерки по японской истории и цивилизации» (2002). В дальнейшем он рассматривал общетеоретические проблемы цивилизационного анализа в книгах «Спор о цивилизациях. Исторические вопросы и теоретические традиции» (2003), «Цивилизации осевого времени и мировая история» (в соавторстве с Ш. Эйзенштадтом и Б. Виттроком, 2005).

Арнасона никак нельзя отнести к числу «публичных социологов». В своих работах и выступлениях на различных конференциях он обращается прежде всего к специалистам по теоретической социологии. Так, на социологическом конгрессе в Гетеборге в июле 2010 г. он рассматривал некоторые аспекты анализа цивилизаций осевого времени в трудах Ш. Эйзенштадта и вел с ним своего рода интерпретативную полемику. Доклад состоялся в последний день работы тематической группы «Историческая и сравнительная социология». На этом заседании не самая просторная аудитория, отведенная организаторами конгресса, впервые была переполнена. В тот момент никто из присутствующих не мог предвидеть, что Эйзенштадт, ссылки на работы которого встречались почти в каждом докладе, уйдет из жизни через полтора месяца. Но сегодня нет сомнений в том, что именно Йохан Арнасон является его преемником в качестве крупнейшего теоретика цивилизационного анализа в исторической социологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Buntrock B.* Современность: одна, ни одной или множество? Европейские истоки и современность как всеобщее состояние // *Полис*. 2002. № 1. С. 141–159.
2. *Arnason J.* Alternating modernities. The case of Czechoslovakia // *European Journal of Social Theory*. 2005. Vol. 8. No. 4. P. 435–451.
3. *Arnason J.* Communism and modernity // *Daedalus*. 2000. No. 1. P. 61–90.
4. *Arnason J.* Entangled communisms: Imperial revolutions in Russia and China // *European Journal of Social Theory*. 2003. Vol. 6. No. 3. P. 307–325.
5. *Arnason J.* The future that failed. Origins and destinies of the Soviet model. London: Routledge, 1993.
6. *Arnason J.* The Soviet model as a mode of globalization // *Thesis Eleven*. 1995. May. P. 36–53.
7. *Knoebl W.* Path dependency and civilizational analysis. Methodological challenges and theoretical tasks // *European Journal of Social Theory*. 2010. Vol. 13. No. 1. P. 83–97.
8. *Maslovskiy M.* The Weberian tradition in historical sociology and the field of Soviet studies // *Max Weber and Russia* / Ed. by V. Oittinen. Helsinki: Aleksanteri Series, 2010. P. 7–20.